

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 94 (470)

А. Г. Васильев

Феномен творчества в контексте *memory studies*

Целью статьи является рассмотрение феномена творчества в контексте *memory studies*. На первый взгляд память и творчество могут показаться диаметрально противоположными явлениями. Творчество связано с формированием чего-то принципиально нового, а память – с сохранением и трансляцией наследия прошлого. Однако существует точка их пересечения, каковой является проблема пределов творческого воздействия на культурную (социальную) память.

Ключевые слова: творчество, культурная (социальная) память, *memory studies*, культурная идентичность, политика памяти, образы прошлого в культуре.

A. G. Vasiliev

A Creativity Phenomenon in the Context of Memory Studies

The purpose of the article is to consider the phenomenon of creativity in the context of memory studies. At the first glance memory and creativity can seem to be the opposite phenomena. Creativity is connected with development of something essentially new, while memory is closely associated with preservation and transmission of heritage of the past. However there is a point of their intersection which is the question of limits of the creative impact on the cultural (social) memory.

Keywords: creativity, cultural (social) memory, memory studies, cultural identity, policy of memory, images of the past in culture.

Целью настоящей статьи является рассмотрение феномена творчества в контексте *memory studies* – сложившегося в последние десятилетия междисциплинарного направления исследований памяти во внешнеиндивидуальном социокультурном ее измерении.

Творчество – это сложное и многоаспектное понятие. Существует множество его определений. Так же, как и относительно понятия культуры, существует традиция их анализа и систематизации, выделения общих черт. Например, Д. Н. Морган, проанализировав двадцать пять определений творчества, выделил их общую черту – создание чего-то уникального [6].

К. У. Тайлор выделил несколько типов определения творчества: 1) творчество как создание новой целостности; 2) творчество как продуцирование чего-то нового, создание инновационного продукта; 3) творчество как самовыражение, как работа в неисследованной области, не ограниченной прошлым опытом; 4) творчество как процесс взаимодействия психических структур «Я», «Оно» и «Сверх-Я»; 5) творчество как мыслительный процесс, как мышление, ориентированное на решение [10].

Для Э. П. Торранса характерными чертами феномена творчества являются следующие: 1) новизна как для самого творца, так и для его культуры; 2) оригинальность – новый взгляд на проблему, объект, противостоящий привычному и обыденному, общепринятому; 3) мыслительный процесс, включающий пересмотр прошлого опыта; 4) проявление творческих способностей; 5) инновационный характер результатов [11].

Итак, главными чертами творческого процесса называются новизна и оригинальность, поэтому на первый взгляд эти явления, память и творчество, могут показаться диаметрально противоположными. Творчество связано с формированием чего-то принципиально нового, а память – с сохранением и трансляцией наследия прошлого. Однако, думается, что не все так однозначно.

Человеческое творчество не является творением *ex nihilo*. Это всегда творение в пределах контекста, созданного всей предшествующей историей, работа с наследием. История культуры свидетельствует о том, что творческая работа с образами и идеями прошлого всегда характеризовала высшие проявления творчества. И, напротив, бесплодная графомания, как правило, всяче-

ски дистанцируется от предшественников, заявляя о своей абсолютной оригинальности. Хорошо описывает этот механизм известное высказывание Маркса: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории» [3, с. 119].

В современной социологии культуры эти идеи развивал П. Бурдьё, подчеркивая, что габитус, определяющий действия социального агента, является одновременно и консервативной, и творческой силой социального процесса. Консервативной в том смысле, что он является воплощением (в телесных практиках, речи, поведении, походке, манере совершать выбор продуктов или услуг и т. д.) прошлого социального опыта той группы (семьи, класса и т. д.), к которой принадлежит человек. Одновременно габитус является и принципом творчества, что проявляется особенно ярко в новых контекстах, создаваемых резкими экономическими и политическими изменениями, когда социальные акторы ищут новые пути и решения, ориентируясь при этом на унаследованные от прошлого диспозиции.

Важным аспектом темы изучения творчества с точки зрения его связи и обусловленности наследием прошлого является проблема пределов творческого воздействия на саму культурную (социальную) память. Этот вопрос имеет не только теоретическую значимость, связанную с проблемой пределов возможностей целенаправленного вмешательства в культуру, потенциала культурной политики [12]. В соответствии с одним из наиболее удачных современных социологических определений, политика памяти представляет собой совокупность всех видов интенциональных действий политиков и чиновников, имеющие формальную легитимацию, целью которых является поддержание, вытеснение или переопределение тех или иных элементов коллективной памяти.

С практической точки зрения очевидно, что манипуляции с коллективной памятью являются наиболее эффективными стратегиями в области «политики идентичности», позволяющими создавать, уничтожать или корректировать те или иные образы прошлого, изменяя тем самым у социальной общности образ себя и окружающих. Речь при этом идет отнюдь не только о циничном политиканстве в угоду властным и корыстным устремлениям.

Осуществление эффективной политики в области памяти и идентичности подчас совершенно необходимо в интересах установления гражданского или межнационального мира, урегулирования этнических конфликтов, выхода общества из периодов гражданских войн, диктатур, репрессий и тоталитарных режимов. Это связано с тем, что иначе привести к примирению стороны, сконцентрированные каждая на своих образах великих побед и невинных жертв, бывает очень непросто. Особенно если помнить, что славные победы и беззаветный героизм в памяти одной стороны одновременно являются причиной невинных жертв и невыносимых страданий, запечатленной в травмированной памяти другой стороны.

Положение о том, что образ прошлого является социокультурным конструктом, а не данностью, сегодня практически никем не оспаривается. Проблемой является, однако, степень податливости этого образа к манипуляциям. Дискуссии о степени пластичности социальной/культурной памяти были связаны в первую очередь с публикацией в 1983 г. сборника статей «Изобретение традиции» под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэнжера [5]. Направление, связанное с их подходом к социальной памяти, получило название «теория политики памяти». В соответствии с одним из наиболее удачных современных социологических определений, политика памяти представляет собой совокупность всех видов интенциональных действий политиков и чиновников, имеющие формальную легитимацию, целью которых является поддержание, вытеснение или переопределение тех или иных элементов коллективной памяти [7]. Здесь акцент делается на анализе того, как политически доминирующие группы манипулируют образами исторического прошлого и внушают массам определенную концепцию истории, легитимизирующую их политические цели и господство. Исследователи, принадлежащие к этому направлению, стремятся показать, как новые традиции и ритуалы произвольно конструируются в соответствии

с текущими политическими реалиями и потребностями. Память фактически оказывается здесь тождественной политической идеологии. С ней можно не только творить, но и (вы)творять практически все, что угодно.

Однако в рамках данного подхода остается без ответа вопрос о пределах этого конструирования. Свободны ли люди (и в особенности элиты) избрывать все, что угодно? Есть ли тут какие-нибудь ограничения? А если нет, то почему далеко не всегда такое конструирование оказывается удачным?

В последнее время в литературе особенно отмечается недостаточность представлений Э. Хобсбаума и его единомышленников о тотальном влиянии власти на содержание коллективной памяти общества. Подчеркивается, что за содержание коллективной памяти борются различные субъекты политического процесса. Различные группы, особенно в плюралистических демократических обществах, выдвигают противоречащие друг другу версии прошлого и борются за их признание. Каждый проект конструирования той или иной памяти может столкнуться с разнообразными контрпроектами «контр-памяти», «неофициальной памяти», «оппозиционной памяти». Этот подход связан с идеями М. Фуко о «контр-памяти» как форме сопротивления доминирующему комплексу «власти-знания» и с подходами представителей британской школы *cultural studies*.

Возникший в последнее время с целью поиска удовлетворительного ответа на эти вопросы «динамически-коммуникативный» подход к пониманию социальной (культурной) памяти делает акцент на ее существовании в процессе социальной коммуникации и на тех структурных ограничениях, которые накладываются контекстом на участников взаимодействия, желающих переинтерпретировать прошлое в своих интересах. С точки зрения этого подхода, память конструируется не только «сверху», правящими элитами, но и «снизу», со стороны подчиненных групп.

Конфликт различных групп по поводу видения прошлого в дальнейшем ограничивает наши возможности реконструировать его в соответствии с нашими интересами [8, с. 109]. Определенные исторические события становятся своеобразными культурными «топосами», «рамочными моделями», при помощи которых затем рассматриваются все другие, в чем-то на них похожие, события. Таким образом, прошлое, задавая образец постижения настоящего, входит в современ-

ность культуры в качестве своего рода программ. Эти программы не могут всякий раз совершенно произвольно меняться по желанию той или иной элитной группы, а политика памяти не может рассматриваться как беспроблемный процесс манипуляции с податливым историческим и человеческим материалом. Любые стратегии в этом поле могут столкнуться с контрстратегиями.

С этим подходом удачно коррелирует подход, предлагающий применить к проблематике коллективной памяти теорию «поля» П. Бурдьё. В этом случае в «поле социальной памяти» выделяются определенные субъекты (например, государство, гражданское общество и его институты, неформальные группы), вступающие в борьбу за обладание максимальным «капиталом», выступающим в качестве «ставки» в разыгрываемой здесь партии. Каждому следующему «игроку» на этом поле приходится учитывать то, что было до него, и иметь в виду возможное «сопротивление материала».

Что же касается памяти, то взгляд на нее как на хранилище пассивных «следов», «отпечатков», какой она виделась психологам конца XIX – начала XX в., изменился уже на протяжении первой трети XX столетия. Стало ясно, что содержание памяти, его структурирование, актуализация, припоминание или, напротив, вытеснение, забвение той или иной информации в значительной степени определяется извне, социальной группой и господствующими в ней социально-культурными нормами, потребностями текущей политической ситуации и т. п. Это дало возможность говорить о внешних измерениях памяти и вводить для их обозначения такие понятия, как коллективная память, социальная память и, наконец, культурная память.

Коллективная память всегда культурно опосредована и основана на социально признанных знаково-символических системах, главное место среди которых занимает язык. Она носит внегенетический характер, и ей для хранения и передачи элементов содержания необходимы носители. В связи с этим в современных *memory studies* большое значение приобретает культурно-историческая психология, диалогический подход, семиотика, актуализируется теоретическое наследие Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана. Основополагающим служит здесь положение культурно-исторической психологии о том, что такие ментальные процессы, как мышление и память, нельзя рассматривать как если бы они протекали исключительно

на индивидуальном уровне. Напротив, они распределены между индивидами и предоставленными культурой средствами, которые используются индивидами для того, чтобы помнить, мыслить и т. д. Память понимается как действие, опосредованное инструментами, предоставляемыми культурой того или иного общества в ту или иную эпоху. Память не то, что мы имеем, а, скорее, то, что мы конструируем при помощи определенных средств.

Специфика подхода одного из основоположников *memory studies*, заложившего в 1920–1930-х гг. основы данной парадигмы, французского социолога Мориса Хальбвакса заключается в интерпретации памяти как социально обусловленного явления. Память – частичное и избирательное воссоздание прошлого, ориентиры для которого определяет общество. Без «социальных рамок» (*les cadres sociaux*) индивидуальная память не может конституироваться и поддерживаться. Индивид способен реконструировать прошлое только как член определенных групп, которые задают «рамки» воспоминаний. Смена идентификации с теми или иными общностями, а также изменения в самих этих общностях приводят к переструктурированию памяти.

В американской социологии того же периода основатель символического интеракционизма Дж. Г. Мид писал, что прошлое всегда реконструируется в рамках настоящего. Поэтому прошлое постоянно пересоздается и переформулируется в меняющемся настоящем. Постоянного прошлого нет. Прошлое припоминается и конструируется так, как это в данном случае наиболее соответствует групповым потребностям. Неактуальное в определенной ситуации воспоминание может оказаться жизненно важным для группы в иных социально-политических обстоятельствах. Реконструкция прошлого происходит тогда, когда люди ощущают неадекватность прежних исторических представлений. Обычно это происходит в моменты радикальных исторических перемен. Нарушение обычного порядка вещей может быть нормализовано и рутинизировано, прерванный континуитет может быть восстановлен, если травмирующие массовое сознание события будут вписаны в новую концепцию исторического прошлого.

Итак, уже на заре формирования *memory studies*, в 1920–1930-е гг., память была понята как динамическая система, обладающая творческим потенциалом.

Важный шаг в понимании творческой сущности культурной памяти был сделан в работах Ю.

М. Лотмана [2, с. 200–202] и одной из ведущих представительниц современной немецкой школы изучения культурной памяти А. Ассманн. Культура, по Лотману, – это коллективная память, индивидуальный механизм как хранения и передачи уже имеющихся сообщений (текстов), так и выработки новых. Пространство культуры – пространство общей памяти, в пределах которого тексты могут сохраняться и быть актуализированы. Лотман разделяет память информативную и креативную. К первой относятся механизмы сохранения итогов некоторой познавательной деятельности, здесь активен лишь результат, итоговый текст (механизм, аналогичный «логике цивилизации» в интерпретации В. С. Библера [1]). В рамках же творческой памяти активна вся «толща текстов», как отмечает Лотман. Самый новый здесь не обязательно самый ценный. Эта сторона памяти культуры имеет панхронный характер (что аналогично «логике культуры» в терминологии Библера). Актуальные тексты высвечиваются памятью, а неактуальные как бы «погасают», переходя в потенцию. Культурная память как творческий механизм противостоит времени, она сохраняет прошедшее как пребывающее.

Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить, а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать». Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно существующим, может оказаться «как бы не существующим» и подлежащим забвению, а несуществующее сделаться существующим и значимым. Однако меняется не только состав текстов, меняются сами тексты. Под влиянием новых кодов, которые используются для дешифровки текстов, происходит смещение значимых и незначимых элементов структуры текста. Тексты, достигшие по сложности своей организации уровня искусства, вообще не могут быть пассивными хранилищами константной информации, поскольку являются не складами, а генераторами. Смыслы, отмечал Ю. М. Лотман, в памяти культуры не «хранятся», а растут. Тексты прошлого генерируют новые тексты. Память, таким образом, не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет часть ее текстообразующего механизма.

Алайда Ассманн, продолжающая во многом традиции московско-тартуской школы, различает память-хранилище (*Speichergedächtnis*) и активную функциональную память (*Funktionsgedächtnis*).

nis). Память как *ars* и *vis* [4]. Функциональная память ориентирована на будущее, она связана с группой, носит нормативный и селективный характер. Память-хранилище представляет собой резервуар для будущих функциональных памятей, источник творчества, всякого рода «ренессансов».

Итак, можно с уверенностью говорить о том, что с позиций современного гуманитарного знания противопоставление памяти и творчества является неправомерным. Культурная память – это источник творчества, в то время как творчество в культуре всегда является работой с теми или иными традициями и наследием минувших эпох. Творчество самым неразрывным образом связано с памятью культуры. Чем глубже, сложнее и многообразнее эти связи, тем более оригинальные результаты могут быть получены. Память, в свою очередь, является творческой силой и выступает механизмом хранения и создания культурных смыслов и ценностей.

Библиографический список

1. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры : Два философских введения в двадцать первый век [Текст] / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
2. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александрия, 1992. – 479 с.
3. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. Т. 8. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.
4. Assmann, A. Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses // A. Assmann. – München: C. H. Beck, 1999.
5. Hobsbawm, E. and Ranger, T. (eds). The Invention of Tradition // Hobsbawm, E. and Ranger, T. (eds). – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
6. Morgan, D. N. Creativity today // Journal of Aesthetics. – 1953. – № 12. – С. 1–24.
7. Nijakowski, L. M. Polska polityka pamięci. Esej socjologiczny // Nijakowski L. M. – Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008.
8. Schudson, M. The Present in the Past versus the Past in the Present // Communication. – 1989. – Vol. 11. – С. 105–113.
9. Sawisz, A. Transmisja pamięci przeszłości // Szacka B. and Sawisz A. (eds). – Czas Przeszły i Pamięć Społeczna: Przemiany Świadomości Historycznej Inteligencji Polskiej. – Warszawa: IS UW, 1990. – С. 121–199.
10. Taylor, C. W. Various approaches to and definitions of creativity // Sternberg R. J. (ed.). – The nature of creativity: Contemporary psychological perspectives. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – С. 99–121.
11. Torrance, E. P. The nature of creativity as manifest in its testing // Sternberg R. J. (ed.). – The nature of creativity: Contemporary psychological perspectives. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – С. 43–75.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bibler, V. S. Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek [Tekst] / V. S. Bibler. – M.: Politizdat, 1990. – 413 s.
2. Lotman, YU. M. Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii [Tekst] / YU. M. Lotman // Lotman YU. M. Izbrannyye stat'i : v 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. – Tallin: Aleksandriya, 1992. – 479 s.
3. Marks, K. Vosemnadtsatoye bryumera Lui Bonaparta // Marks K., Engel's F. Sochineniya. – 2-ye izd. T. 8. – M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1957.
4. Assmann, A. Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses // Assmann A. – München: C. H. Beck, 1999.
5. Hobsbawm, E. and Ranger, T. (eds). The Invention of Tradition // Hobsbawm, E. and Ranger, T. (eds). – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
6. Morgan, D. N. Creativity today // Journal of Aesthetics. – 1953. – № 12. – С. 1–24.
7. Nijakowski, L. M. Polska polityka pamięci. Esej socjologiczny // Nijakowski L. M. – Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008.
8. Schudson, M. The Present in the Past versus the Past in the Present // Communication. – 1989. – Vol. 11. – S. 105–113.
9. Sawisz, A. Transmisja pamięci przeszłości // Szacka B. and Sawisz A. (eds). – Czas Przeszły i Pamięć Społeczna: Przemiany Świadomości Historycznej Inteligencji Polskiej. – Warszawa: IS UW, 1990. – С. 121–199.
10. Taylor, C. W. Various approaches to and definitions of creativity // Sternberg R. J. (ed.). – The nature of creativity: Contemporary psychological perspectives. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – С. 99–121.
11. Torrance, E. P. The nature of creativity as manifest in its testing // Sternberg R. J. (ed.). – The nature of creativity: Contemporary psychological perspectives. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – С. 43–75.